

Сущность герменевтики. История становления

Герменевтика (греч. hermeneutike, от hermeneuo - разъясняю, толкую) – учение об истолковании текстов, преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнён вследствие их давности или недостаточной сохранности источников.

Понимание достигается грамматическим исследованием языка, изучением исторических реалий и вскрытием намёков, смысл которых со временем сделался непонятным; конкретно-психологическими изысканиями и рассмотрением закономерностей формы произведения.

Хотя история герменевтики может быть прослежена через Средневековье до античности, понятие герменевтики в его современном значении восходит к Новому времени. Приблизительно в середине 17 в. устанавливается различие между ходом истолкования и его методом: герменевтика как учение о «правилах» истолкования начинают отделять от экзегетики (как лишенной методологической рефлексии практики комментирования). Революционный шаг в становлении герменевтики как самостоятельной дисциплины сделан *Шлейермахером*, принципиально расширившим сферу подлежащих истолкованию текстов: для Шлейермахера - это «учение об искусстве понимания» письменных документов вообще. Задачу герменевтики составляет прояснение условий, делающих возможным уразумение смысла того или иного текста. Всякий письменный документ, по Шлейермахеру - это языковое обнаружение, имеющее двойную природу: с одной стороны, он - часть общей системы языка, с другой – продукт творчества некоторого индивида. Перед герменевтикой стоит двойная задача: исследование языкового обнаружения в качестве элемента определенной языковой системы и вместе с тем обнаружения стоящей за ним уникальной субъективности. Первую часть задачи выполняет «объективное» (или «грамматическое») истолкование, вторую - «техническое» (или «психологическое»).

Грамматическое истолкование анализирует текст как часть определенной лексической системы, психологическое же – индивидуальный стиль, т.е. комбинации выражений, не заданные лексической системой.

Важным этапом становления герменевтики была «философия жизни» *Дильтея*, в рамках которой герменевтике приписывается особая методологическая функция. Дильтею принадлежит заслуга систематического развития тезиса, согласно которому, «понимание» есть не частный аспект теории познания, но фундамент гуманитарного знания («наук о духе») вообще. Это положение Дильтея, однако, было подготовлено интенсивными дискуссиями в исторической (*И.Г. Дройзен*) и филологической (*А. Бёк*) науке второй половины 19 в. Дройзен, в частности, обратил внимание на методологический изъян, препятствующий историографии стать наукой. Методом исторического познания, по Дройзену, должно стать «понимание». Предмет последнего составляют не объективные факты, а то, что уже было в свое время интерпретировано; работа историка – это «понимающее схватывание» уже когда-то понятого. Сходным образом трактует задачи гуманитарного познания *А. Бёк*. Документы, с которыми имеет дело филолог, уже заключают в себе знание, являются результатом прошлого процесса познания. Отсюда особая продуктивность филологии, представляющей собой, согласно формуле А.Бёка, «познание познанного».

Идея герменевтики Дильтея была частью его методологического проекта, цель которого состояла в обосновании значимости историко-гуманитарного познания и несводимости процедур последнего к процедурам естественнонаучного познания.

«Понимание» есть, по Дильтею, единственно адекватное средство передачи целостности, именуемой Жизнью. «Понимание» (вначале весьма сходное с «переживанием») трактуется при этом как та процедура, благодаря которой «жизнь» вообще может быть прояснена и осмыслена. «Жизнь» здесь – наименование духовно-исторического мира, важнейшей характеристикой которого является его изоморфность нам как познающим. Живое может быть

познано живым. Продукты творчества той или иной индивидуальности суть не что иное, как объективации жизни, и в известном смысле можно сказать, что мы понимаем в другом то, что понимаем в себе самих. Многократно пересматривая свою концепцию понимания, Дильтей то сосредоточивается на его интуитивном и в этом смысле иррациональном характере, то подчеркивает связь интуитивного постижения с понятийным мышлением, с понятиями и суждениями.

Под влиянием критики со стороны неокантианства, а затем и под влиянием феноменологии *Гуссерля*, Дильтей стремится освободить свою концепцию от явного психологизма. Он заостряет внимание на нетождественности понимания «вчувствованию», вводит, наряду с понятием «переживание», понятия «выражение» и «значение», а также обращается к понятию «объективного духа» *Гегеля*. Понимание как воспроизводящее переживание имеет дело не только с индивидуальными психическими актами, но со сферой не сводимых к отдельным субъектам идеальных значений. Методологические размышления Дильтея легли в основу ряда концепций «герменевтической логики» (*Г. Шпет* в России, *Х. Липпс* и *Г. Миш* в Германии), согласно которым сфера логического не схватывается одним только дискурсивным мышлением, но охватывает и недискурсивные формы выражения смысла.

Для *Г. Гадамера* герменевтика имеет дело в первую очередь не с методами гуманитарных наук, а с универсальностью понимания и интерпретации. Искомая универсальность относится к кругу объектов понимания, к культуре как целому, организованной на основе языка, а не к методологически значимым требованиям, как, например, у *Хабермаса*. Как и для Хайдеггера, понимание для Гадамера является определением человеческой экзистенции - «Dasein есть понимание», - которое предшествует всякой методологической рефлексии. Основной вопрос философской герменевтики, по Гадамеру, состоит в том, что значит понимание, и как оно сбывается на фундаментальном уровне. «Как возможно понимание - это

вопрос, который предшествует всякому понимающему отношению субъективности и методическому отношению понимающих наук, их нормам и правилам», - пишет он в предисловии ко второму изданию книги в 1975 году[9].

Ответ Гадамера на этот вопрос состоит в том, что понимание есть «род круга» - повторяющаяся структура, где всякая новая интерпретация ссылается на предпонимания и возвращается к ним. Он хочет показать, что понимание является открытым историческим процессом, в котором любой интерпретирующий и любое интерпретируемое уже включены в традицию понимания. Гадамер подчеркивает, что отношение интерпретирующего к традиции всегда диалогичное и языковое: «То, что может быть понято,- это язык. Следует сказать: он есть так, что представляет себя из себя пониманию (es sich von sich aus dem Verstehen darstellt)».

Язык для Гадамера - это в основном разговорный язык, то есть язык диалога, в котором интерпретатор встречается не только с интерпретируемым, но и с другими интерпретациями и интерпретаторами, другими. Таким образом, здесь исходный пункт всегда диалогичен, в противоположность методологической герменевтике, например, Э. Д. Хирша, который начинает с индивидуального субъекта. Переход от методологической к философской герменевтике означает для Гадамера отказ от субъективности как центральной перспективы.

Этот переход состоит, по меньшей мере, из трех моментов. Во-первых, ясно, что философская герменевтика занимается самопониманием гуманитарных наук. По мнению Гадамера, специфическую научность гуманитарных наук обсуждали слишком методологически - в действительности, по модели естественных наук. Поэтому даже сама герменевтика как философия гуманитарных наук стала слишком методологичной. Показательно, что «Истина и метод» начинается с рассмотрения опыта в искусстве, истории и философии - таким способом

Гадамер хочет дистанцировать свою философскую герменевтику от герменевтических концепций гуманитарных наук.

Следует отметить, что в прошлом *герменевтика* сосредоточивала свое внимание на переводе (античность и средние века) или реконструкции смысла (начиная с эпохи Возрождения) (*Ф. Шлейермахер, В. Дильтей и др.*), в XX в. – на диалоге (*Ф. Розенцвейг, М.М. Бахтин и др.*), определяла принципы, методы и техники истолкования смыслов. Текст всегда, начиная со Священного писания, признавался одним из важнейших носителей смысла (а в отдельные периоды – единственным).

Герменевтикой разработаны свои модели коммуникации. Так, в модели *Г.Г. Шпета* существенно признание того, что «Сообщение есть та стихия сознания, в которой живет и движется понимание».

Семиотики во втором поколении (*М.М. Бахтин, Я. Мукаржовский, Э. Бенвенист, Р. Барт и др.*) ориентировались на исследование уже не отдельного знака (в языке: слово), а знаковой последовательности, или сложного знака. Это связный текст, произведенный не только из языковых знаков, но и из знаков неязыковых (текстом являются и музыкальные произведения, и хореографические, и произволения архитектуры и др.).

Так открываются возможности исследования языкового текста – как сложного знака, в его связях и отношениях с текстами в лингвистическом смысле, возможности исследования *семиозиса*. Для семиотических моделей оказываются фундаментально значимым суждение *Р. Барта* из заключения к книге «Основы семиологии». Выдвигая требование однородности корпуса фактов, ученый в то же время подчеркивает: «Однако на практике исследователь имеет дело со смешанной субстанцией... Поэтому приходится принять существование гетерогенных корпусов».